

С. Ю. Белоруссова
**ЭТНОФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
 МИХАИЛА КРУКОВСКОГО ПО ЮЖНОМУ УРАЛУ***

УДК 94(470.55/.58)''19'':39

ББК 63.3(235.55)531+63.5(235.55)

Рубеж XIX и XX вв. был расцветом российского народоведения и фотографии, которые стали «партнерами» в деле представления этнографических культур. Михаил Круковский (1865–1956) не имел высокого звания и чина. В путешествиях по России он стал народоведом, фотографом и ценителем народной культуры. В 1908 г. Круковский путешествовал по Южному Уралу, где заинтересовался многообразием этнографических культур региона: он описывал башкир, мещеряков, русских, нагайбаков, киргиз-кайсаков. Кроме того, он изучал заводскую жизнь и жизнь старообрядцев, казаков, уделял внимание живописным местам Южного Урала. Травелог Круковского — это не столько описание этнографических деталей быта, сколько исследование характеров и эмоций местных жителей. Путешествие сопровождалось фотосъемкой, придававшей наблюдениям особую реалистичность. Круковский снимал виды городов, сел, ландшафта Южного Урала, а также жителей края. Мотивами его путешествия была не только тяга к познанию новых пространств и этнографических культур, но и желание, чтобы его наблюдения были прочитаны и увидены. В путешествии Круковского фотосъемка стала не просто дополнительной возможностью, а способом наблюдения и передачи впечатлений. Круковский оставил после своей поездки непосредственные и эмоциональные этнографические наблюдения и ценные свидетельства о южноуральских народах (к примеру, он единственный автор, описавший северную группу нагайбаков), а также сотни этнографических фотографий, которые и сегодня представляют научную ценность.

Ключевые слова: *Михаил Круковский, Южный Урал, этнопутешествие, фотопутешествие, башкиры, нагайбаки, казаки, заводчане*

В мировой истории путешествия играли роль одного из главных средств коммуникации и почти всегда были веянием моды своей эпохи и культуры.¹ Путешественники возвращались не только с дневниками, полными впечатлений и наблюдений, но и с надеждой на то, что их труды будут оценены современниками и потомками. Развитие этнографической науки непосредственно связано с жаждой путешествия — открытием мира и познанием себя в этом мире.

На рубеже XIX и XX вв. российская этнография стремительно развивалась и осваи-

вала новые пространства. С середины XIX в. просвещенная общественность с интересом наблюдала новое явление — «народность».² Императорское русское географическое общество (ИРГО), основанное в 1845 г., уделяло повышенное внимание этнографическим исследованиям,³ результаты которых печатались в Вестнике ИРГО. Путешествие и изыскания Николая Миклухо-Маклая в экзотической Папуасии стали общественно значимым событием в России. В 1889 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии основало первый российский народоведческий журнал «Этнографическое обозрение», а два года спустя ИРГО начало выпускать журнал о народных традициях «Живая старина». К тому времени стало модным изучать не только чужие земли, но и собственное пространство. Все чаще возникали идеи углубленного познания родных земель. Например, Г. Н. Потанин назвал свой проект

¹ См.: Головнёв А. В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // Урал. ист. вестн. 2014. № 4 (45). С. 121–126; Белорусова С. Ю. Антропология путешествия (южноевропейские путешественники XV в.). Saarbruken, 2013.

Белоруссова Светлана Юрьевна — м.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН, ассистент кафедры археологии и этнологии УрФУ (г. Екатеринбург)
 E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00413 «Антропология путешествия в этноисторическом контексте» (рук. А. В. Головнёв)

² См.: Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 2.

³ См.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 2015. С. 293.

по изучению России «концентрическим родиноведением».⁴

Параллельно с развитием этнографии началось массовое увлечение фотографией, при этом этнография и фотография выступали не «конкурентами», а «партнерами» в деле представления народов и культур. Впрочем и в прежние времена авторы народоведческих заметок всегда тяготели к изображению: свод народов Российской империи И. Г. Георги изначально планировал как альбом с картинками и поясняющим текстом;⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай считал, что «даже беглый набросок может дать лучшее представление, чем подробное описание».⁶ Деятелю ИРГО Н. И. Второву одному из первых «пришла счастливая мысль применить к исследованиям фотографию, и он так успешно воспользовался светописью, что к представленным в 1857 г. в Географическое общество исследованиям о составе населения Воронежской губернии присоединил не только этнографическую карту, но еще целый альбом типов и костюмов этого края».⁷ Первые краеведческие фотосессии в России были выполнены в 1870–1890-е гг.⁸ При этом фотографии народов Российской империи были популярны не только среди соотечественников, но и за рубежом: в Европе толпы людей приходили смотреть экспозиции этнографических фотографий, сделанных в России.⁹

Появление пленочного аппарата в 1890-е гг. облегчило фотографию в полевых условиях. Фотограф Е. П. Вишняков считал, что «с приобретением пленок фотография сделалась не только доступною для путешественника, но можно сказать даже для него обязательно».¹⁰ В России стали появляться обстоятельные руководства по использованию фотографического аппарата в путешествиях. А. Донде, С. М. Дудин, Е. П. Вишняков описывали тонкости владения аппаратом в поездках.¹¹ ИРГО

в 1872 г. опубликовало руководство по этнографической съемке: «Особенного внимания заслуживает *костюм* лиц, та или другая из любимых их (представителей народа. — С. Б.) *поз, оружие и утварь*, равно как и картины, в которых изображается способ употребления того и другого».¹² Возможности фотосъемки еще больше усилили интерес к этнографическим путешествиям.

Южный Урал вошел в орбиту российских путешествий после учреждения Оренбургской губернии в 1744 г. Первые поездки имели целью сбор данных о крае, в том числе о населяющих его народах. Комплексное описание Оренбургской губернии выполнил член-корреспондент Академии наук П. И. Рычков. В своем труде он уделил внимание башкирам, хивинцам, аральцам, каракалпакам, черемисам, калмыкам, мордве и другим народам Южного Урала.¹³ В 1768 г. Академия организовала Оренбургскую физическую экспедицию, сформировав три отряда — под руководством П. С. Палласа, И. И. Лепехина и И. П. Фалька. Труды академической экспедиции открыли для России природные и культурные ресурсы Южного Урала.

В течение XIX в. Южный Урал посещали главным образом исследователи природных ресурсов, но были и те, кого интересовали южноуральские народы. В середине века член отделения этнографии ИРГО П. И. Небольсин совершил поездки для изучения экономики и этнографии Южного Урала и в своих очерках «Рассказы проезжего»¹⁴ описал быт калмыков, киргизов, башкир, русских казаков. Историк В. Н. Витевский изучал как этнографическую историю края, так и современное состояние народов; в числе других народов он описал нагайбаков, о которых сообщил в 1877 г. участникам Археологического съезда в Казани.¹⁵ Быт жителей Южного Урала описывали также публицисты и журналисты. Так, в путевом очерке Д. Н. Мамина-Сибиряка «По Зауралью» представлены особенности южноуральских народов, в том числе башкир, русских, киргизов и калмыков. Публицист

⁴ См.: Октябрьская И. В. Фотография и краеведение России и Сибири // Параллель. 2010. № 3 (38). С. 48, 49.

⁵ См.: Головнёв А. В., Киссер Т. С. Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Урал. ист. вестн. 2015. № 3 (48). С. 66.

⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее // Собр. соч. Т. 3, ч. 1. М.; Л., 1951. С. 100.

⁷ Русский художественный листок. 1860. № 34. С. 131, 132.

⁸ См.: Октябрьская И. В. Указ. соч. С. 49.

⁹ См.: Янсон Ю. Э. Парижская географическая выставка // Изв. ИРГО. 1875. Т. 9, вып. 6. С. 425.

¹⁰ Вишняков Е. П. Применение фотографии к путешествиям и работа на негативных пленках. СПб., 1899. С. 2.

¹¹ См.: Донде А. Фотографирование в путешествиях. М., 1919; Дудин С. М. Фотография в научных поездках // Краеведение. М.; Пг., 1923. № 1. С. 31–46.

¹² Мелкие известия. Наставления для желающих изготовлять фотографические снимки в пользу антропологии // Изв. ИРГО. 1872. Т. 8. № 2. С. 86.

¹³ См.: Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. 1762 год. Оренбург, 1887.

¹⁴ Небольсин П. И. Рассказы проезжего. СПб., 1854.

¹⁵ См.: Витевский В. Н. Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Волжско-Камское слово. 1882. № 72, 74, 80, 138, 144.

В. И. Немирович-Данченко в 1875 г. совершил путешествие по Уралу и 14 лет спустя опубликовал свои очерки о жизни уральцев в книге «Кама и Урал».¹⁶ Журналист В. А. Весновский несколько лет прожил на Южном Урале — в Челябинске и Оренбурге. Он опубликовал несколько заметок о жизни южноуральцев и составил справочник «Весь Челябинск и его окрестности».¹⁷

Михаил Круковский: крупный план

М. Круковский родился в 1865 г. в городе Режице Витебской губернии в семье мелкого служащего. По свидетельствам его дочери, он «рано ушел из дома, стал жить самостоятельным трудом».¹⁸ В 1890-х гг. он работал писарем в Псковской губернии, где повстречался со своей будущей женой — Софией Карловной Бурэ, которая, имея два высших образования, решила уехать в деревню, «чтобы отдать свои знания народу». В 1899 г. Круковский с молодой женой переехали в Петербург и стали выпускать иллюстрированный журнал для детей «Товарищ», где Круковский публиковал географические очерки. Он овладел фотографическими навыками и самостоятельно готовил иллюстративные клише для журнала. Четыре года спустя семейная пара стала выпускать приложение к журналу — альбом «Россия в картинах».¹⁹

В 1899 г. директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого В. В. Радлов попросил заготовить свидетельства (открытые листы) для путешествия Круковского по Олонецкой губернии.²⁰ К слову сказать, этнография Олонецкой губернии уже привлекала внимание ученых: в 1860-х гг. П. Н. Рыбников изучал фольклор в тех краях.²¹ Результатом поездки Круковского стала публикация книги с фотоиллюстрациями «Олонецкий край. Путевые очерки».²² Повествование о своем путешествии он вел в жанре живого приключенческого рассказа с сюжетами из бытовой жизни, с описанием героев и их судеб. Работа была

удостоена высокой оценки в журнале «Землеведение» в 1906 г., что не могло не вдохновить автора на продолжение поездок.²³

Долго оставаться в столице Круковскому не пришлось. В 1904 г. журнал «Товарищ» был закрыт цензурой. Вскоре он разошелся с женой и уехал из Петербурга. Профессия второй жены Круковского (она была земским врачом) способствовала его путешествиям по окраинам России. После успеха публикации путевых заметок по Олонецкому краю Круковский предпринял в 1908 г. путешествие по Южному Уралу, во время которого вел путевой дневник и делал фотографии. Заранее было известно, что заметки будут опубликованы отдельной книгой, и действительно год спустя его дневники с фотоиллюстрациями вышли под названием «Южный Урал. Путевые очерки».²⁴

Круковский мог себе позволить путешествовать, не имея высокого звания и чина. Он — живой пример демократизации путешествия в конце XIX — начале XX вв. В поездках Круковский стал народоведом, фотографом и ценителем народной культуры. В своих заметках он обращал внимание на состояние этнографических коллекций в музеях. Он, например, отметил: «Уфимский музей» в этнографическом отношении, как и все губернские музеи, находящиеся в руках чиновников, очень беден».²⁵ Дальнейшую жизнь он посвятил музейному делу и краеведению: оказавшись в Сибири, Круковский с 1919 г. был директором Каменского этнографического музея. В 1933 г. он с семьей переехал в Ташкент, где три года спустя умер.

Южный Урал в описании Круковского

Основным интересом М. Круковского на Южном Урале была этнография. Он написал: «Насколько различны климатические пояса, настолько разнообразны народы, населяющие Урал».²⁶ Внимание автора было направлено на контрасты культур; путешествуя по Южному

¹⁶ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. СПб., 1890.

¹⁷ Весновский В. А. Весь Челябинск и его окрестности. Челябинск, 1909.

¹⁸ Круковский Михаил Антонович. URL: http://www.petergen.com/krukowski/m_a_krukovski.html (дата обращения: 15.01.2016).

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Лаврентьева Л. С. Край лесов, рек и поэтов (Карельская фотоэкспедиция 2008 г.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9. СПб., 2009. С. 7.

²¹ См.: Пыпин А. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 63.

²² Круковский М. А. Олонецкий край. Путевые очерки. СПб., 1904.

²³ Путешествия по Олонецкому краю М. Круковского привлекают внимание этнографов до сегодняшнего дня: в 2008 г. была организована Карельская фотоэкспедиция для повторения его маршрута по Олонецкому краю; задачей экспедиции было «определение современного состояния реалий, зафиксированных М. А. Круковским более века назад». См.: Ушаков Н. В. Карельская фотоэкспедиция МАЭ РАН 2008 г. По следам собирателя М. А. Круковского (технические и методические вопросы) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. С. 206.

²⁴ Круковский М. А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909.

²⁵ Там же. С. 30.

²⁶ Там же. С. 7.

Уралу, он отмечал: «Глаз путешественника отдыхает на движении этнографических красок и костюмов».²⁷ В поездках он называл себя этнографом и писал, что самой «живучей» чертой народа является «художественный вкус, который проявляется в нем несмотря ни на какие климатические изменения». По наблюдениям Круковского, башкиры «сохранили старинный калябаш²⁸ и узоры», а русские казаки «до сих пор упорно держатся за свою старинную великорусскую постройку».²⁹

Круковский описывал башкир, мещеряков, русских, нагайбаков, киргиз-кайсаков. Ему присуще «живое» восприятие народов: в изложении своих впечатлений он одним симпатизировал, другим сострадал. Прежде всего он решил «побывать у степных башкир»,³⁰ которым уделил немало места в своем дневнике. В путевых заметках башкиры представлены как борцы за свои традиции и ценности. Утрату ими кочевой культуры он связывал с неправомерным завоеванием русскими их исконных земель: «Башкиры были самый спокойный, добросовестный народ, не трогавший наших земель; русские же отряды вторгались в башкирские земли, занимали их по своему произволу».³¹

Круковский описывал башкир в теплых тонах: «Симпатичной стороной [их] характера можно считать нелюбовь к корысти, к стяжанию, чего нельзя сказать про других, соседних азиатских народов: татар, мещеряков, киргиз».³² По наблюдению путешественника, башкир «подвижен до юркости и ловок, но движения его не грубы, а мягки, он любит веселиться до бесконечности, шутить и смеяться; у него юмористическая складка ума, он умеет подметить все веселое, смешное».³³

Круковский создал яркий портрет своего проводника Малая, который сумел открыть путешественнику башкирскую культуру, уберечь от недоверия соплеменников, представив его дорогим гостем. Круковский вспоминал: «Всяк ожидает от такого приезда чего-нибудь случайного, нехорошего для себя и беспокоится. Из окна избы видно, как башкиры осаждают и спрашивают Малая, а он дает им объяснения».³⁴ Малай показан в путевых записках крупным

планом — именно в таком ракурсе путешественник познавал и описывал народ.³⁵ Надежность Малая оттеняется его богатырским сложением. В одной из башкирских деревень Круковский похвастался мощью своего спутника, чем раззадорил местных башкир, которые сразу подыскали Малаю противника — деревенского силача Садыка. Вот как описывает путешественник этот поединок:

Более получаса возились они, сжимая друг друга железными объятьями. Башкиры словно застыли, созерцая борьбу; они всей страстностью своей кочевой природы принимали в ней участие, и вдруг раздался общий крик. Садык лежал на земле, а на него всем своим грузным туловищем навалился Малай.³⁶

Образ Малая дополняется новыми красками в сцене борьбы со стихией. При переправе через реку Белую Круковский, по его словам, «испытал чувство жуткости, даже страха в эти несколько мгновений, пока входили в проток». Беспокойство перерастало в отчаяние. Автор записок пишет: «Кто остановит бег этой массы? Никто. Она не остановится, она должна нас раздавить». В последний момент берет за весло Малай:

Могучий башкир навалился на весло всем своим грузным телом, уперся грудью в бревно, как будто в землю, и начал давить <...> Кто победит: она или он? Жилы на руках и на шее у него вздулись, весь он побагровел, а между тем плот под напором этого руля начал отклоняться к берегу.³⁷

К одним народам Круковский приезжал согласно плану, к другим попадал по воле случая, а иногда делал неожиданные для себя этнографические открытия. Проезжая мимо станицы Ключевской Троицкого уезда, он заинтересовался, что за народ живет в этих местах. Сопровождавший его башкир Абдул описал жителей станицы так: «Обыкновенные хлебопашцы, а народ-то особенный: ни татары они, ни башкиры, ни киргизы, а просто бакалы». Круковский принялся расспрашивать самих местных жителей. «Я бакалятник», — отвечал спрашиваемый, и больше ничего не мог сообщить». Автор пишет: «Я немало помучился, прежде чем узнал настоящее, этнографическое название этого народа». «Название наше нагайбаки... А вот откуда мы приходим и какого

²⁷ Там же. С. 100.

²⁸ Женский головной убор.

²⁹ Круковский М. А. Южный Урал. С. 275, 276.

³⁰ Там же. С. 30.

³¹ Там же. С. 34.

³² Там же. С. 71.

³³ Там же. С. 40.

³⁴ Там же. С. 46.

³⁵ Головин А. В. Крупный план в антропологии // Урал. ист. вестн. 2010. № 4 (29). С. 17.

³⁶ Круковский М. А. Южный Урал. С. 64.

³⁷ Там же. С. 23, 24.

племени — этого сказать не могу»,³⁸ — сообщил путешественнику священник станицы.³⁹ Удивление от открытия нового народа дополнилось обеспокоенностью за его судьбу. Круковский отметил богатые украшения на нагайбакских женщинах, но в то же время «страшную нищету» и «пьянство» в деревне. После непродолжительного пребывания в станице Ключевской он «уезжал с таким тяжелым чувством, какого никогда не испытывал в своих скитаниях по России».⁴⁰ Круковский — первый путешественник, который охарактеризовал северную группу нагайбаков Троицкого уезда.

По пути в Троицк Круковский проезжал селения русских казаков, в которых, по его наблюдению, было «нехозяйственно и скучно».⁴¹ Он досадовал на то, что землю, на которой некогда кочевали башкиры, отдали во владение казакам, и землю эту те «не могут разработать и наполовину».⁴² Круковский противопоставлял казаков и башкир как оседлых и кочующих. «Работать над неблагодарной пашней башкир не хочет и ярму рабского труда предпочитает хотя и голодную, зато вольную жизнь по душе».⁴³ Вероятно, симпатия Круковского к кочевникам исходила из его личного предпочтения вольной жизни. «Прежний кочевник не умер в башкире до сих пор. Чуть настанет лето, башкир выезжает на дачу. Он покидает свою тесную грязную избу со всеми тараканами и клопами и едет со всем скарбом и семейством в поле».⁴⁴ Зато у казаков путешественник заметил «неодолимую казацкую лень».⁴⁵ Покидая южноуральские земли, он так сопоставил казаков и башкир: «Неповоротливые казаки, погруженные в глубокий вековой сон, и юркие кочевники, оживляющие мертвую степь яркими красочными нарядами».⁴⁶

Круковский посетил несколько южноуральских заводов, в том числе Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Миасский и Кочкарский, где сделал заметки о местных рабочих. В рудничном поселке недалеко от Златоуста бодрый прежде тон дневника сменился на удрученный:

Здесь редко слышится беззаботная песня или веселый смех. Только в воскресение услышишь и песни и скрип разудалой гармоника. Если взгля-

деться поглубже, можно заметить, что веселье искусственное, порывистое, и проявляется лишь для того, чтобы забыть, заглушить каторгу обыденной жизни.⁴⁷

В отличие от вольной жизни уральских башкир, жизнь заводчанина кажется Круковскому тяжким ярмом:

В обеденное время, когда раздастся свисток, завод словно раскрывает свою пасть и выпускает из себя каких-то черных, изможденных людей... Потом раздастся призывной свисток, и все они снова пойдут на работу и исчезнут в пасти завода...⁴⁸ Подземная работа в шахтах — это ад, которым наказаны люди за свои надземные грехи; люди еще при жизни побывали в аду.⁴⁹

Общение с заводчанами превратилось для Круковского в выслушивание их жалоб на беспросветную заводскую жизнь. Однажды, в теплый выходной, Круковский с рабочим Евлахом расположились в горах, где заводчанин излил душу:

Завод втянул меня в себя, не справился я с ним, не одолел; на всю жизнь закрепостил меня, в нем и умру. Ты зверь!.. Ты чудовище!.. Ты огненная змея, высосавшая мою горячую кровь! Одним ты даешь богатство, роскошь, другим смерть! Я ненавижу тебя!

Голос изменил ему; Евлах тяжело опустился на землю, опустил голову на руку и заплакал беспомощными детскими слезами.⁵⁰

Травелог Круковского — это не столько описание этнографических деталей быта, сколько исследование характеров и эмоций местных жителей.

Южный Урал в объективе Круковского

Путешествие сопровождалось фотосъемкой, придававшей наблюдениям особую реалистичность. Круковский снимал виды городов, сел, ландшафта Южного Урала, а также жителей края. Правда, иногда фотоаппарат оказывался помехой в диалоге с местными жителями. С трудностями фотосъемки Круковский столкнулся в башкирских селениях:

Башкиры не хотели сниматься и относились к моим попыткам недоверчиво. Даже враждебно. Когда я выходил на улицу, вся деревня пряталась в избах, из боязни попасть в аппарат. Только в щели дверей и в окнах видны были крайне любопытные, жадные взгляды.⁵¹

³⁸ Там же. С. 261.

³⁹ Белорусова С. Ю. Траектория этничности нагайбаков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 24 (379). С. 18.

⁴⁰ Круковский М. А. Южный Урал. С. 268.

⁴¹ Там же. С. 291.

⁴² Там же. С. 272.

⁴³ Там же. С. 72.

⁴⁴ Там же. С. 54, 55.

⁴⁵ Там же. С. 291.

⁴⁶ Там же. С. 311.

⁴⁷ Там же. С. 125.

⁴⁸ Там же. С. 113.

⁴⁹ Там же. С. 281.

⁵⁰ Там же. С. 129.

⁵¹ Там же. С. 42.

Отказ от съемок они объясняли тем, что «Магомет запретил правоверным воспроизводить и распространять их изображения». Круковский пытался возражать, напоминая, что Магомет «не велел правоверному пить вино, а между тем редкий башкир не пьет».⁵² Однако никакие доводы не могли переубедить башкир, а «предложение денег вызвало еще большее недоверие». Однажды при съемках кладбища Круковский едва укрылся от разгневанных башкир, «мчащихся к нему во весь дух, кричащих и размахивающих руками». Ему пришлось специально съездить в Уфу к муфтию, чтобы «выхлопотать разрешение на фотографическую съемку в научных целях». «Бумажка от муфтия» дала возможность Круковскому снимать «не только башкир, но и башкирок».⁵³

Если попытки фотографировать башкир обернулись трудностями, то нагайбаки гораздо охотнее соглашались на съемку. Их фотографии получились лучшими среди снимков других народов, несмотря на то что Круковский провел в башкирских селах месяц, а у нагайбаков был проездом лишь несколько дней. Вероятно, у нагайбаков уже тогда проявлялись черты «этнических экстравертов»,⁵⁴ выражавшиеся в их желании вести себя и самовыражаться открыто, а иногда и демонстративно. Круковский снимал нагайбаков «в фас и профиль», что было методической установкой того времени. Правда он по-своему интерпретировал правила съемки:⁵⁵ он усаживал перед фотоаппаратом двух похожих людей — одного анфас, другого боком. Круковский удачно подбирал героев, поэтому при взгляде на фотографию представляется один человек в разных позах. (см. цветную вклейку).

В путевых заметках Круковский отмечал сложности так называемой «экстремальной фотосъемки». Так, несколько дней он путешествовал через Таганайские горы. Не исключено, что мотивом поездки было желание сделать эффек-

тные фотографии. Круковский писал: «приходилось преодолевать большие трудности, прежде чем удавалось сделать необходимую съемку»;⁵⁶ «с величайшим трудом сделал на этой гололодной высоте несколько снимков».⁵⁷

Его путешествие завершилось неприятностью: по пути в Оренбург «возница умудрился наехать на камень и вывернул тарантас». Несмотря на то что Круковский «отделался благополучно, пострадал его дорожный фотографический аппарат: он оказался разбитым в щепки». Утеря столь важной вещи испортила настроение и предрешила исход путешествия: в отсутствие возможности съемки Круковский поспешил домой. Прибытие в Оренбург его не обрадовало. Последний пункт своей поездки он описал скупо: «Жизнь Оренбурга скучна и однообразна. Это захолустье. Под потоками осеннего дождя немыслимо было делать какие-нибудь наблюдения, и я поспешил сесть на поезд и распрощаться с Уралом».⁵⁸

Мотивом путешествия М. Круковского была не только тяга к познанию новых пространств и этнографических культур, но и желание, чтобы его наблюдения были прочитаны и увидены. В путешествии Круковского фотосъемка стала не просто дополнительной возможностью изучения края, а способом наблюдения и передачи впечатлений. Поломка фотоаппарата повлекла за собой утрату интереса к путешествию; исследователь остро почувствовал усталость и решил вернуться раньше срока. Тем не менее его путешествие — это желание прочувствовать и сопережить настроения жителей Урала. Круковский оставил после своей поездки непосредственные и эмоциональные этнографические наблюдения и ценные свидетельства о южноуральских народах (к примеру, он единственный автор, описавший северную группу нагайбаков), а также сотни этнографических фотографий, которые и сегодня представляют научную ценность.

Svetlana Y. Belorossova

Junior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg).

E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 43.

⁵⁴ Головнёв А. В. Уральские этнодиалоги // Урал. ист. вестн. 2013. № 2 (39). С. 8.

⁵⁵ См.: Мелкие известия... С. 86–88; Толмачева Е. Б. Развитие отечественной методики полевой этнографической фиксации // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН 2010. СПб., 2011. С. 174–180.

⁵⁶ Круковский М. А. Южный Урал. С. 174.

⁵⁷ Там же. С. 191.

⁵⁸ Там же. С. 311.

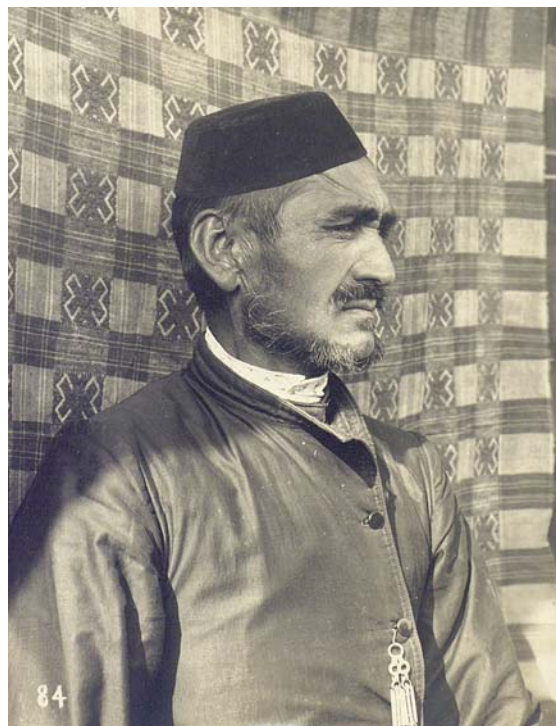
MIKHAIL KRUKOVSKY'S ETHNO-PHOTOGRAPHIC TRAVEL ACROSS THE SOUTHERN URAL

The turn of the XIX and XX centuries was a golden age for the Russian ethnic studies and photography which became “partners” in ethnographic cultures’ visual representation. Mikhail Krukovsky (1865–1956) did not have any high rank or title. In his travels across Russia he became a student of the people, a photographer, and a lover of folk culture. In 1908 Krukovsky traveled across Southern Ural, where he developed an interest in the diversity of ethnographic cultures of the region: he described the Bashkir, the Meshcheryaks, the Russians, the Nagaibaks, and the Kyrgys-Kaisaks. He also studied factory life and the life of Old Believers and Cossacks, paid a lot of attention to the picturesque landscapes of Southern Ural. Krukovsky’s travelog was not just a description of ethnographic details of everyday life, but rather a study of character and emotions of the local population. In his travels he made photos which rendered his observations particularly realistic. Krukovsky took pictures of cities, villages, landscape of Southern Ural, as well as of the people of the region. His motivation was not only the desire to see new territories and ethnographic cultures, but also a desire to share his observations with others. In Krukovsky’s travels photography was not just an additional tool, but a means of observation and sharing impressions. Krukovsky left after him unaffected and emotional ethnographic observations and valuable evidence of the life of the people of the South Ural (e.g. he was the only author who made a description of the northern group of the Nagaibaks), as well as hundreds of ethnographic photos, which are of high research value for today’s scholars.

Keywords: Mikhail Krukovsky, South Ural, ethnotravel, phototravel, Bashkirs, nagaybak, Cossacks, factory workers

REFERENCES

- Belorussova S. Yu. *Antropologiya puteshestviya (yuzhnoevropeyskie puteshestvenniki XV v.)* [Travel anthropology (South European travelers of the 15th century.]. Saarbrücken.: Lap Lambert Academic Publishing Publ., 2013. 145 p. (in Russ.).
- Belorussova S. Yu. *Traektoriya etnichnosti nagaybakov* [Trajectory of ethnicity of nagaybak]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 24 (379), pp. 17–24. (in Russ.).
- Dudin S. M. *Fotografiya v nauchnykh poezdках* [The photo on scientific trips]. Kraevedenie. Moscow, Petrograd, 1923, no. 1, pp. 31–46. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Uralskie etnodialogi* [Ural ethnodialogues]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2013, no. 2 (39), pp. 4–16. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Kisser T. S. *Etnoportret imperii v trudakh P. S. Pallasа i I. G. Georgi* [Empire ethnoportrait in P. S. Pallas and I. G. Georgi’s works]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2015, no.3 (48), pp. 59–69. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Kocheve, puteshestvie i neo-nomadizm* [Migration, travel and neo-nomadizm]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2014, no. 4 (45), pp. 121–126. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Krupnyy plan v antropologii* [Close up in anthropology]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2010, no. 4 (29), pp. 14–20. (in Russ.).
- Lavrenteva L. S. *Kray lesov, rek i poetov (Karel’skaya fotoekspeditsiya 2008 g.)* [Edge of the woods, rivers and poets (Karelian photoexpedition of 2008)]. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAS* [Materials of field researches of MAE RAS]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2009, no. 9, pp. 6–16. (in Russ.).
- Oktyabrskaya I. V. *Fotografiya i kraevedenie Rossii i Sibiri* [Photo and study of local lore of Russia and Siberia]. *Parallel*, 2010, no. 3 (38), pp. 48–53. (in Russ.).
- Tokarev S. A. *Istoriya russkoy etnografii* [History of the Russian ethnography]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2015. 656 p. (in Russ.).
- Tolmacheva Ye. B. *Razvitie otechestvennoy metodiki polevoy etnograficheskoy fiksatsii* [Development of a domestic technique of field ethnographic fixing]. *Radlovskiy sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAS 2010* [Radlovsky collection. Scientific researches and museum projects of MAE RAS 2010]. St. Petersburg, 2011, pp. 174–180. (in Russ.).
- Ushakov N. V. *Karel’skaya fotoekspeditsiya MAE RAS 2008 g. Po sledam sobiratelya M. A. Krukovskogo (tekhnicheskie i metodicheskie voprosy)* [Karelian photoexpedition of MAE Russian Academy of Sciences of 2008. In the wake of the collector M. A. Krukovsky (technical and methodical questions)]. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAS*, no. 9, St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2009, pp. 204–212. (in Russ.).

Башкир в зимнем костюме и меховой шапке — малахае.
Портрет богатого башкира из Оренбургской губернии

Групповой портрет — женщины в традиционных костюмах. Нагайбаки.

Фото М. А. Круковского. Южный Урал. Начало XX в.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, № 1919-76, 84, 367